

Лит. Россия, 1984, № 1, с. 21

ПРОБЛЕМЫ
ТВОРЧЕСТВА

ПУТЬ ХУДОЖНИКА

ПИСАТЬ об этой книге, как, впрочем, и о любой другой, принадлежащей перу известного, прославленного писателя, — значит писать и о нем самом. А это не просто...

Тут можно повторить слова самого Георгия Мокеевича Маркова, произнесенные им много лет назад, в ту пору, когда А. Т. Твардовский, главный редактор журнала «Новый мир», попросил его написать юбилейную статью о Федине:

«...Писать о Федине не просто, — высказал Г. М. Марков свое сомнение, — к каждому слову он взыскателен безмерно, да и предельно щепетилен, когда речь идет о нем самом».

О ком же и о чем эта новая книга Георгия Маркова?

«В поисках поэзии и правды» — такое ясное, четкое, емкое название дал ей автор, принародно объявляя свой художнический, гражданский манифест, уже известный, впрочем, читателям по его популярным романам, повестям, рассказам и фильмам.

Двадцать лет, по сути дела, писал Георгий Мокеевич эту книгу. Она создавалась как бы исподволь, и главы ее, написанные в разное время, отражают духовное состояние художника, живущего интересами своей Отчизны, своего народа, своей партии, думающего о времени, о мире, о литературе.

Настоящий писатель, судя по всему, в тот или иной момент своей жизни испытывает духовную потребность еще и еще раз вернуться к тому, о чем уже поведал в своих художественных произведениях, и рассказать — но теперь публицистически страстно! — о том, что уже за-

печатлено им в образах и характерах, что давно стало достоянием советской литературы.

Однако это отнюдь не самоповторение, пусть и в новом жанре. Это прежде всего углубление собственных познаний о всеобщей жизни, познаний, казалось бы, и без того достаточно основательных, углубление и философское осмысление своего художественного опыта, соотношение его, наконец, с духовным опытом других людей, народа в самом широком смысле этого слова, с творческим опытом своих товарищей по литературе, многие из которых стали признанными классиками.

Высшая мера требовательности к себе как художнику — вот как можно определить это возвращение писателя к тому, что было успешно им пройдено.

«Нельзя писать, не познавая Родины, — делится Г. Марков своими раздумьями, — не познавая жизни, ее людей, не видя полей и лесов, морей и рек, не слыша свиста степных ветров, не зная запахов родной земли. И познание это должно быть постоянным и непрерывным, как непрерывна сама жизнь».

Эти слова писателя являются ключом к его новой книге. Поэтому и воспринимается она, эта книга Г. Маркова, как исповедь художника, размышляющего о нашей всеобщей жизни, о поисках им, писателем, поэзии и правды жизни, народных характеров. Из этой исповеди мы узнаем об истоках таланта писателя, вышедшего из народа, об уроках мастерства и о художественных открытиях как сути этих писательских уроков.

«...Вероятно, каждый со мной согласится, что нет более волнующего путешествия, чем путешествие в свое собственное прошлое... — пишет Г. Марков. — Я часто бывал в родных местах, но таково уж свойство человеческой души — сколько бы

О новой книге Георгия Маркова

раз ты ни приезжал сюда, сколько бы раз ты ни проходил по дорогам твоего детства и твоей юности, каждый раз волнение и трепет охватывают тебя, и ты чувствуешь, как это целительное прикосновение к родной земле словно обновляет тебя».

Легко понять это волнение писателя, когда он, приехав в родимый край, на то самое место, где когда-то был охотничий стан его отца, встречает молодых строителей новой железной дороги, которая пройдет по глухой тайге, чтобы «поставить ее богатства на службу народу». И когда писатель рассказывает об этих своих поездках, ставших для него необходимыми, о встречах со строителями Академгородка в Новосибирске, с нефтедобытчиками, геологами и учеными Западной Сибири, с партийными работниками области, читатель как бы воочию видит творческую лабораторию автора любимых книг, его художнический путь в поисках поэзии и правды жизни, тот путь, который и приводит писателя к заслуженному успеху.

Когда я читал в книге Георгия Маркова эти страницы, где он рассказывает о волнующей встрече с прошлым и настоящим, я невольно представил себе и свой родной край — Алтай, где также сошлись прошлое и настоящее, где тоже творится наше будущее, и я вспомнил одного человека, давнего знакомого Георгия Мокеевича Маркова, человека интересного, самобытного, яркого в своем неукротимом, роднящем его с писателем порыве искать ту же самую поэ-

зию и правду нашей жизни, искать и находить, как может находить ее воистину одаренный организаторским талантом партийный руководитель крупного ранга, каковым является этот человек, находить и претворять ее, поэзию и правду жизни, в нашу действительность.

С именем этого человека связано открытие самых первых месторождений нефти и газа в Западной Сибири.

И мне все казалось, что Георгий Мокеевич, сделавший тоже немало для художественного воплощения этой славной страницы в истории Западной Сибири, создавший яркие образы партийных руководителей, вот-вот упомянет имя своего знакомого, но потом я понял, что, по мысли автора книги «В поисках поэзии и правды», у каждого из нас, советских людей, свой земной ориентир в этих непростых поисках, свои зримые вехи на этом трудном, но благородном пути, свои имена как символы — все свое, индивидуальное, но соотношенное, разумеется, с закономерностями нашей действительности, с ее диалектическим развитием.

О том же, по сути, я думал совсем недавно, когда Георгий Мокеевич, верный своему принципу творческого общения, рассказывал мне о работе над новым романом, о своем подходе к созданию сложных образов, одним из прототипов которых, мне казалось, может быть и тот самый человек, о котором я вспоминал и теперь, читая книгу «В поисках поэзии и правды».

Постоянное и непрерывное, как сказал сам автор, познание жизни...

Для Георгия Маркова это познание, вполне осмысленное, осознанное, как бы загода готовившее юного сибиряка к будущему писательству, счастливым образом оказалось связанным с творчеством В. Я. Шишкова, о котором в пору молодости Георгия Мокеевича ходили в Сибири легенды. Глава, посвященная Шишкову, одна из самых интересных в книге. Одна из самых значительных.

Значительность этой главы состоит в том, что Георгий Марков наглядно показывает, как постигала творчество любимого писателя, соотнося его с окружающей действительностью, выверяя на нем свое миропонимание, свой жизненный опыт, он впервые в собственном творчестве пришел к важному художественному открытию, которое стало сутью его произведений.

В чем же смысл этого художественного открытия?

Очарованный ярким талантом Шишкова, «захваченный его поразительным художественным волшебством, воспроизводившим перед моим взором правдивые картины жизни, близкой и дорогой для меня», признается Георгий Мокеевич, он тем не менее почувствовал в один прекрасный момент, что в его «душе родилась и живет некая то критическая нотка». И когда Георгий Марков сам стал писать, он понял, что Шишков одиозно и весьма мрачно смотрел на сибирского крестьянина, как бы не видя его самобытности, самостоятельности, словно не признавая в нем ту мудрость народную, которая давала светлое начало жизни. Именно сибирское крестьянство, пишет Г. Марков, во время революции «проявило чудеса героизма, стойкости и преданности идеям новой жизни».